

(Окончание. Начало на стр. 1)

- В ЛЭТИ вы поступили в 1957 году. И было вам тогда 17 лет. На каком факультете стали "прожигать" свою молодость?

- На электрофизическом, ЭФФ, он считался таким аристократическим. Поступал после золотой медали. Я помню, что, пройдя собеседование, может быть, не совсем удачно - что-то я неправильно ответил, - ходил с кем-то вокруг Ботанического сада, потом мы туда вошли, посмотрели какие-то цветущие тропические растения, потом вернулись - оказалось, нас приняли. И я попал в это замечательное царство. Все было на подъеме души.

А вообще первое появление в ЛЭТИ - восторг от нового корпуса, не знаю, как он сейчас называется, который напротив кафедры акустики. Он был высокий, двухветвистый, праздничный, просто дворец, и казался каким-то очень веселым. Наверху была башня стеклянная, а в ней чашка. Она парила в небе - как вертолет. Очень уютно, светло там было. Часовня гренадерского полка тоже очень впечатляла - старинные окна, толстые стены, лестницы таинственные, там была кафедра акустики, на нее я пришел на третьем курсе.

И народ после тусклой школы элегантно, веселый, праздничный.

В новом корпусе был зал, свежий, только что родившийся, и там сразу начались замечательные вечера, танцы, джаз играли блестяще. Потом там были лекции, временами очень острые. Это было время снятия запретов, и Энтелис, музыковед, нам рассказывал про западных композиторов, имена которых когда-то нельзя было упоминать. Кох, доцент Театрального института, читал потрясающие лекции о поведении, о том, что такое джентльменство, как держаться, как разговаривать.

Потом сексолог какой-то выступал, не помню уже его фамилию, говорил такие вещи, от которых дрожь проходила. Социолог Кон выступал, у него были потрясающие откровения: например, в нормальном обществе творческие люди должны составлять не больше процента. То есть во всем мире 99 процентов - это винтики. Все это здорово будоражило сознание.

- Это были факультативы?

- Нет, вечерние лекции-встречи. Хотя сами занятия тоже были очень интересные. После первой лекции мы сразу поехали в колхоз на мелиорацию - это тоже был своеобразный подарок: продление лета, вольная жизнь на озерах Карельского перешейка. ЛЭТИ показало себя, что это праздничное такое заведение - почти все леги, прекрасно говорили, выглядели замечательно. А потом вернулись, и началась учебная жизнь.

- И что это было?

- Было ощущение литературной роскоши. В коридоре все время висели потрясающие газеты каждого факультета. - метров пять в длину и два в высоту. Каждую неделю выпускались. Как их успевали делать - непонятно. Там были стихи, рисунки, карикатуры, пародии. Потом я оказался в литературном кружке. Там занимались Алла Черная, Таня Гиршина, Валя Семенов, часто я их вспоминаю, жалко, что у них не хватило упорства стать литераторами - в технике остались. Павел Виролойнин читал роскошные стихи. На каждом факультете чуть ли не каждый месяц выпускался капутник. Сколько там было костюмов, декораций, шуток, звезд факультетских, которых уже все знали. В общем, театр-буфф местного значения. На уральский слет поехали - все в ветровках, ботинках, а мы в белых плащах, шляпах с зонтиками ходили мимо костров. Все от нас шаркались. Зуд творческий все время одолевал.

- А любовный?

- Конечно! Первая любовь - она была с другого факультета. Встретились мы на каком-то танцевальном вечере, и сразу же влюбление. Я помню, она очень часто болела, и когда мне кто-то говорил, что она поправляется и выходит, я бегал по институту, думал, где же мы с ней пересечемся и что же мне сказать при этом. И вдруг она появляется, и говоришь все не то, что надо. Она жила на Петроградской, и гуляла мы с ней

по Аптекарскому острову. Потом после первого курса все куда-то растерялось.

- Послушаешь вас, ЛЭТИ - "праздник, который всегда с тобой". А как же злые будни?

- И это было. В ЛЭТИ меня ведь даже из комсомола исключили. За какой-то дух не такой - вольный. Поскольку я сначала попал в довольно престижную группу, на специальность "полупроводники" - самую аристократическую. Но потом меня перевели в другую группу, на специальность "акустика". Полупроводники - элита, акустика - второй категории. То есть люди там были тоже толковые, но другого какого-то типа. Все приезжие, ярые комсомольцы. Стали они меня терзать. Непонятно, за что. Как-то не пришлось я им ко двору. Вроде как не так здороваюсь. Написал я на себя нечто

шило, и я написал рассказ "Случай на молочном заводе". Опять же вольность это была. Насмешничество.

- Как вы себя сейчас чувствуете, когда попадаете в университет?

- Ощущение, что все ушло, как-то все поблекло, на мой взгляд. И стены немощно пообшарпались, что ли. Нет такого ощущения праздника. И жизнь стала более рациональной. У людей нет сейчас времени на все эти художества. Я походил, посмотрел - нет прежнего расцвета. А в те времена расцвет искусства подкреплял науку, а не противоречил ей.

В общем, вольница уплыла, как какая-то фата-моргана. Сейчас сбивать ЛЭТИ снова на такую бесшабашную жизнь, наверное, и не надо. Тогда было другое время - генетический взрыв, что ли. Дух такой послеста-

напомю, только костюм надень". А я купил в арабском квартале курточку из кожзаменителя и в ней ходил. Прибегаю, а костюма нет. Думаю: неужели французы украли? А потом понял, что это Рябкин надел мой костюм. Вечером возвращается, такой веселый, радостный. Принес фотографии на спичках из кабре "Олимпия". Его друг пошел - эмигрант. Прославил, говорит, я твой костюм. А я в курточке пришел "Максим", меня не пустили. На кухне сидел.

- Эпикур сказал: "Кто не помнит о прошлом счастье, тот старик уже сегодня". Судя по вашим воспоминаниям, вы просто юноша в самом расцвете сил. И проказливый дух молодости небось остался?

- В общем-то да. Пишу все такое озорное по возможности. Основа литературы - гротеск, комедия.

- Но больше вы не возвращаетесь к юности в своих новых произведениях?

- Нет, по прямой нет. Но вот сейчас я за-

СВОБОДНОЕ ПЛАВАНИЕ

вроде объяснительной записки поэтической - почему я так, а они так. Тяжелое это на них впечатление произвело. Смутно сформулировали: исключить из комсомола за нетоварищеское поведение. Классовое чутье у них сработало. Но в райкоме сидели веселые ребята, эту классовую ненависть части моей группы они не поняли и исключение не утвердили - не воровал ведь, не бил никого.

- В ЛЭТИ вы писали что-нибудь?

- Да, в "Электрике" была поэтическая страница. Там я писал стихи. Отдельные свои стихи, которые я ценю, я включаю в прозу, чтобы они не пропадали. Помню кое-какие институтские, но они незрелые еще, - в книги я их не включал.

Мир красив, перламутров и нов.

Он глядит, изумленный такой,

Как бегу я с охапкой цветов

От старухи с железной клюкой.

Дирижируют ветром кусты,

Напружинив, как луки, тела,

Вылезают на солнце коты

И куда-то идут по делам.

Мир красив, перламутров и нов,

И, конечно, подходит тебе,

Той, к которой я лезу в окно

По пустой восточной трубе.

Потом в институте появилась литературное объединение, там сказали, что мои стихи - ерунда.

- А прозу в институте вы не писали?

- Советская литература казалась недосыпаемой и нелепой. Помню, на третьем курсе был на практике в НИИ и читал детектив, а там были такие строчки: "Раздался выстрел. Петров взмахнул руками и упал замертво. Сергеев насторожился". Убили друга, а он насторожился. Меня это рассме-

линский. Сейчас же ничего подобного нет - лекции, семинары, и домой. Молодежь, она сейчас как-то литературно испорчена. Даже не боевиками, а некоей модернистской литературой. Сорочки, какие-то мифы, не живые, а компьютерные книги. Не то что они их любят. Они уже и не любят, по моему, ничего. Просто подчиняются этому втихиванию. "Вот это надо" - и все. Им говорят - они покупают. Вот Пелевин - это, конечно, гений. Но с него началось движение в компьютерную литературу. У него это получилось, а дальше пошла уже мертвечина. Литература - как жеваная бумага. Несколько модных тенденций, японские философы, нетрадиционный секс. Литературные шампиньоны. Выращиваются искусственно, потребляются конвейерным методом. Шампиньон № 7, шампиньон № 90. Растут и заполняют живой лес. И молодежь стала жить без страстей. А с другой стороны, жаль, если уплыл этот остров вдаль и не вернуться.

- Изысканно брызжете?

- Да, нет, хотя на каком-то юбилее ЛЭТИ я выступал и сказал, что мы как-то с драматургом Генрихом Рябкиным, автором "Весны в ЛЭТИ", оказались вместе в Париже. Я хожу по Парижу и думаю, что же это мне напоминает. Карнавал, музыка, маски. А напоямано все это ЛЭТИ. И проказы те же. Рябкин однажды у меня в Париже костюм украд. Он ехал в какой-то курточке, я спрашиваю: "Что ты ничего с собой не берешь?". А он отвечает: "И в курточке хорошо". В Париже я пришел в ресторан "Максим". Там одна знакомая была, бывшая работница Ленфильма. И она говорит: "Приходи вечером, я тебя посажу,

канчиваю повесть "Прелести лета". Сюжет такой речной, "островной" - на катере моего друга плывем по каналам, по речкам, выезаем где пополам, на каких-то островах - вот это, может быть, от ЛЭТИ осталось. Уют Петербурга, запущенного, дикого, неизданного. Может быть, это от Аптекарского острова. Острова, который всегда со мной. Разгул лета. Разгул вольницы. Свободное плавание по Петербургу.

- А скажите мне, пожалуйста, Валерий Георгиевич, для писателя понятие "остров" несет в себе какой-то потаенный смысл?

- Конечно. Особая жизнь скорее всего на острове возникнет. Она не продолжение жизни, это рубеж, отрыв и - другая жизнь. То есть остров - это свобода. Там не проникает цивилизация материка. Там абригены, раритеты и еще что-то. И Аптекарский остров был, конечно, свободно плавающим и самым поэтическим по тем временам.

- А название повести "В поисках корня" из вашей первой книги "Южнее, чем прежде" - это откуда появилось?

- Тоже от вольности. Потому что после ЛЭТИ я три года работал в КБ мрачном. Вот такие у меня скачки - сначала школа была довольно мрачная, потом ЛЭТИ, где не было ни одного тусклого человека. А после этого КБ военное. Три года каторги. Потом я попал на телевидение. Там была техническая служба. И тоже затомило меня там. Я взял пультку и поплыл по Волге. Даже не сказал на работе. Когда вернулся - уже был уволен. Так с тех пор куда и не приплыву.

Наталья КУЗНЕЦОВА